

ФАКТОРЫ АКТУАЛИЗАЦИИ ПРОШЛОГО В ПАРЛАМЕНТСКОЙ ПОЛЕМИКЕ БРИТАНИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII В.

В статье анализируется место истории в полемике, происшедшей в обеих палатах британского парламента. Причинами актуализации прошлого являлись кризисные ситуации: внутривполитические, международные, имперские.

Ключевые слова: британский парламент, виги, тори, оппозиция, историческое знание и политика, Английская революция, Славная революция.

Об авторе: Айзенштат Марина Павловна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН. Россия, 105318, Москва, ул. Ибрагимова, 5-1-124. m.aizen@mail.ru.

На протяжении последних двадцати лет в профессиональном сообществе существенно возрос интерес к истории исторической науки. С полным правом можно говорить о сформировавшемся в рамках интеллектуальной истории направлении. Его предметом являются философские и методологические проблемы исторической науки, истории научных школ, жизненный путь, концепции и труды отдельных ученых и т.д. Однако проблема места и роли исторического знания в политической сфере остается на периферии исследований. Между тем его значимость в формировании государственно-политических систем и политической культуры общества очевидна. В статье рассмотрен лишь один аспект обозначенной проблемы, а именно – причины, которые вели к актуализации прошлого в парламентской полемике Британии. Их изучение неотделимо от выявления предназначения фактов и событий давно минувших лет в речах ораторов. Обращение к указанным сюжетам на материале парламентских дебатов второй половины XVIII в. связано с переходным характером этого периода от общества старого порядка к граждан-

скому обществу. Одним из проявлений изменений стала потеря двором политических функций и постепенное превращение парламента в центр политической жизни Британии к концу столетия.

Прошлое занимало значимое место в жизни британского общества XVIII в., что было обусловлено глубоко укоренившимися традициями повседневности и политической сферы. К нему обращались в своих трудах британские просветители, поэты и писатели¹. Всё это вызывало повышенный интерес к истории у простого читателя. Причем обозначенный интерес заметно возрастал с середины столетия. В немалой степени этому способствовали как социально-экономические изменения, которые несла с собой промышленная революция, так и публикации ярких сочинений, оказавших влияние на развитие исторической и общественно-политической мысли Британии.

Среди таких произведений первым следует назвать «Письма об изучении и пользе истории» Генри Сент Джона лорда Болингброка, одного из наиболее известных мыслителей Просвещения. «Письма» были написаны в 1736, в Англии они опубликованы после смерти автора в 1752 г. И до конца века вышло пять изданий², что, вне всякого сомнения, является свидетельством популярности труда Болингброка.

Вторым сочинением стала «История Англии от вторжения Юлия Цезаря до революции 1688 г.» Д. Юма. В 1754 г. он издал первые два тома, посвященные периоду правления Стюартов, затронув, тем самым, бурную эпоху, отзвуки которой продолжали волновать современников. В полном объеме «История» была издана в 1763 г., а впоследствии неоднократно переиздавалась, что также являлось показателем пристального внимания читателей³.

¹ См., например, *Лабутина Т.Л.* 2005; *Кованов К.В.* 2013 и др.

² *Барг М.А., Авдеева К.Д.* 1998, 182.

³ Подробнее о произведении см.: *Барг М.А., Авдеева К.Д.* 1998, 292-304; *Креленко Н.С.* 2012, 66-74; и др.

Эти произведения не были единственными трудами, посвященными истории или непосредственно связанным с фактами и событиями прошлого. Из наиболее значимых авторов рассматриваемого периода необходимо назвать имена К. Макколи, У. Годвина, Э. Гиббона, Э. Берка, Т. Пейна и других. В своих произведениях напрямую, либо же косвенно они обращались к разным эпохам, рассматривали различные проблемы прошлого⁴. Тем не менее их истории (или упоминание событий и фактов прошедших десятилетий и столетий) являлись отражением непосредственной реакции на события, происходившие в стране и мире. Именно такая апелляция к прошлому, продиктованная проблемами сегодняшнего дня, и может быть названа одним из важнейших факторов обращения к истории общества. Как и в период, предшествовавший Английской революции, когда назревал социальный кризис, и возрастала социальная напряженность, появлялась настоятельная потребность сквозь призму истории разобраться в проблемах современности, усилилось обращение к прошлому. В нем авторы пытались найти ответы на волновавшие общество вопросы, найти истоки или причины различных по своему характеру кризисных явлений.

В то же время во второй половине столетия книги не были единственным источником исторических знаний. Благодаря распространению грамотности все более широко распространялась пресса. Наряду с газетами издавались журналы⁵. Тройственный характер функций прессы – как средства информации, а также средства

⁴ *Креленко Н.С.* 2009, 45-47; *Чудинов А.В.* 1996, 60-101; *Ингер А.Г.* 1973 и др.

⁵ См., например, *The London magazine and Gentleman's monthly Intelligencer*; *The Parliamentary Register or History of the proceedings and debates of the House of commons*; *The New Annual Register*; *The Jockey club*; or a sketch of the manners of the Age; *The Political magazine, and Parliamentary, Naval, Military, and Literary journal*, etc.

формирования, так и отражения общественного мнения – превращает её в важный источник эпохи. По количеству продаваемых экземпляров редакторы могли судить о реакции общества на издательскую линию, приспосабливаясь к его мнению, предугадывать и определять изменения в настроениях и предпочтениях читателей. Что также позволяет выявить различные срезы общественных настроений и предпочтений, это наиболее полно отражают публикации и реакция читателей

В журналах немаловажное место занимали различного рода материалы об истории. Это были сообщения об опубликованных книгах, рецензии, наконец, исторические очерки. В основном они посвящались государственным деятелям, полководцам, людям, жизнь и смерть которых вызвала повышенный интерес в обществе. При этом разброс событий и персонажей был чрезвычайно велик: от Пугачева, царевича Дмитрия, О. Кромвеля до У. Питта Старшего. Чаще всего это были не традиционные для сегодняшнего дня биографии с указанием времени и места рождения, жизненного пути, занимаемых постов и т.д. Скорее их можно назвать портретом, в котором внимание автора сконцентрировано на характеристике личностных черт. Так, например, в очерке о Джордже Гренвилле автор писал о его благородстве и бескорыстии: «он имел намерения принести благополучие обществу». Далее он подчеркивал, что Гренвилль был амбициозным человеком, но свое возвышение связывал не с мелкими политическими интригами или поддержкой двора. А приход к власти для него означал возможность служения народу⁶. Эти эссе вызвали живой интерес читателей. Однако не всех удовлетворяла избранная издателями форма. В одной из реплик читатель сетовал, что издается много биографий, но хороших нет. Кроме того, он полагал, что они должны сопровождаться описанием «характера эпохи и страны»⁷. Что

⁶ London magazine ... for the 1775. February. P. 64-65.

⁷ London magazine ... for the 1778. January. P. 7.

касается потока жизнеописаний, то они заполняли не только периодику, но и выходили отдельными томами⁸.

В столь пристальном внимании к нравам и людским характерам нашло выражение особенности XVIII в. в жизни британской философской мысли. Как отмечал российский исследователь, это был век поучений, наставлений, морализаторства⁹. Именно история представляла богатейший материал для такого рода поучений. В привлечении этого материала обозначился еще один фактор актуализации прошлого, а именно, моральный, воспитательный аспект исторического знания.

Наряду с историей в газетах и многих журналах публиковалась информация о современных событиях: извещения о банкротствах, браках, рождении и смерти, фактах криминального характера; в том числе и о парламентских дебатах. Изложение парламентских дискуссий стало одним из знаковых событий в политической истории Британии, которые свидетельствовали о росте политического и правового самосознания в обществе. Речь идет главным образом о горожанах – представителях торгово-промышленных кругов, представителях среднего класса, избирателях, заинтересованных в получении информации о том, что происходит за парламентскими стенами. В связи с существовавшими запретами в прессе освещались принятые законы, да и то после завершения сессии парламента. А сама дискуссия длительное время была скрыта от подавляющего большинства жителей страны, так как излагалась лишь в общих чертах также только по завершении сессии. Недаром в исторической литературе бытует сравнение депутатского корпуса XVIII в. с закрытой корпорацией. Действительно, законы начала столетия, практически, ограничившие избрание представителей деловых кругов, вместе с тем, продлившие срок полномочий парламента, привели к формированию достаточно стабильного дво-

⁸ Ibid. P.39.

⁹ Ингер А.Г. 1973, 329.

рянского депутатского корпуса. Наличие мелких избирательных округов позволяло лордам контролировать избрание и деятельность членов общин, а то и формировать солидные фракции своих представителей. Картину дополняли вест-индское и ост-индское лобби. Ситуация начала меняться с политическим кризисом¹⁰.

Он был связан с обсуждением в парламенте в 1770 г. вопроса о Фолклендских (Мальвинских) островах. Эти острова не были заселены, однако считались владением Испании. В 1764 г. на одном из них британцы основали поселение. В феврале 1770 г. испанские корабли вынудили их покинуть остров. В конце осени в Лондоне разразилась политическая буря. Некоторые политики утверждали, что подорваны национальные интересы и престиж страны. Конвенция о мирном урегулировании конфликта стала предметом острого обсуждения в парламенте в январе 1771 г. Оппозиция попыталась воспользоваться шансом для смещения главы кабинета лорда Норта. В этих целях они привлекли прессу, передав информацию в "The Gazetteer and New Daily advertiser" и "The Middlesex journal, or chronicle of liberty", вызвав гнев правящей элиты. Король посчитал разгоравшийся конфликт удобным поводом для расправы с газетчиками. Однако издатели не являлись на суд парламента, укрывшись в Сити¹¹. В обществе попытка судебного преследования издателей была воспринята как удар по свободе слова и правам граждан. Появились критические статьи, где обсуждались действия палаты и кабинета министров¹². Городские власти Лондона выступили на стороне издателей. И тогда в марте 1771 г. по распоряжению правительства были арестованы лорд-мэр столицы Кросби и олдермен Оливер, что свидетельствовало о поражении власти в этом конфликте.

¹⁰ Подробнее о кризисе см.: *Айзенштадт М.П.* 2009, 87-90.

¹¹ *The Parliamentary history of England.* V. 17. L., 1813. P. 71, 72, 74.

¹² Попытка привлечь издателей к ответственности также не увенчалась успехом. *Ibid.* P. 75-77.

Узники вышли на свободу лишь после окончания сессии парламента. Их встречал весь городской совет и многочисленные жители Лондона, превратившие это событие в яркую демонстрацию своих чувств. Ее дополнили салют, иллюминация и разбитые окна в домах лордов, наиболее активно выступавших на стороне правительства.

С этого времени право прессы печатать полностью прения палат не оспаривалось парламентом, однако и официально оно не было закреплено законом. Именно тогда редакторы лондонских газет стали посылать в парламент своих корреспондентов, которые вели записи дебатов. Расположившихся в галерее Вестминстера журналистов в насмешку стали называть четвертой властью, так как монарх, палата лордов и палата общин издавна в Англии рассматривались как олицетворение трех ветвей верховной власти королевства. Поздно вечером, а то и ночью материалы поступали в типографии, и утром можно было уже прочесть о прошедшем накануне заседании. Нередко отчеты содержали ошибки и неточности, так как журналисты не всегда успевали записать выступление оратора, в шуме голосов что-то могли и не расслышать. Тем не менее лондонские репортажи перепечатывали провинциальные газеты, новости становились предметом обсуждения в кафе, клубах, домах¹³. Однако в силу специфики газет как средства информации они не могли удовлетворить читателей, заинтересованных в более подробных публикациях. И в семидесятые годы появляются на свет специальные журналы, в которых печатались такие подробные материалы. В них освещались наиболее важные вопросы, рассматривавшиеся в обеих палатах, речи основных ораторов. Это позволяло публике составить представление о работе парламента и позициях лидеров.

¹³ И только 24 мая 1803 г. парламента принял решение, что двери галереи палаты будут открыты каждый день и журналисты смогут занимать там обычные места которыми они до того пользовались не на всех заседаниях с семидесятых годов.

С начала XIX в. Уильям Коббетт приступил к изданию многотомной «Парламентской истории Англии». И хотя Коббетт вскоре передал права на издание, «Парламентская история» неизменно связывается с его именем. Первые годы XIX столетия в истории Британии отмечены войной с наполеоновской Францией, что способствовало ускорению процесса становления британской идентичности. Вместе с тем отмечалось оживление радикального движения. Это и обусловило повышенный интерес к государственно-политической истории парламента.

«Парламентская история Англии» реконструирована на основе журналов обеих палат, материалов современников, а впоследствии и прессы. Таким образом, «Парламентская история» является источником вторичным, однако вкупе с журнальными публикациями она позволяет составить наиболее полную картину парламентских дебатов и выявить место прошлого в них, в том числе – на протяжении второй половины XVIII в.

В силу всех указанных выше обстоятельств «Парламентская история» является сложным источником, содержащим два пласта обращения к прошлому. Один – это представление о прошлом издателей «Истории» в начале XIX в.¹⁴. Другой – это место и роль прошлого в парламентской полемике, проходившей в стенах обеих палат на протяжении веков.

1750 – 1800 гг. с точки зрения парламентской полемики невозможно рассматривать в качестве однородного процесса. Пятидесятые годы стали последним десятилетием правления Георга II. Его отличало безраздельное правление вигов. Оппозиция со смерти наследника престола в 1753 г., который находился в плохих отношениях с королем, потеряла высокого покровителя. Тори и оппозиционные виги не оказывали влияния на по-

¹⁴ В томах, опубликованных после окончания наполеоновских войн, издатель неизменно сокращал экскурсы ораторов в историю. См.: *Parliamentary History*. V. 29. P. 894, 996, 1202, etc. (далее – PH).

литический процесс. С началом правления Георга III (1760 г.) произошли изменения в расстановке политических сил. Виги, находившиеся десятилетиями у власти, были отстранены молодым монархом. Тем самым он надеялся изменить ситуацию и покончить с коррупцией и злоупотреблениями вигов. К власти пришли так называемые «друзья короля». В целом их политика отличалась нестабильностью курса, а частая смена кабинетов привела к дальнейшему распылению сил. Не были сплочены и лишившиеся власти виги. В это время усиливается образование различных группировок, сплотившихся вокруг того или иного представителя аристократического клана, нарастала борьба между ними. И, как следствие новой расстановки сил, активизировалась парламентская полемика. Параллельно в обществе зарождается и ширится радикальное движение, выдвигается и обосновывается идея коренного преобразования системы представительства. Все эти изменения отразились в парламентской практике.

В то же время перемены сказались в общественной жизни. С одной стороны, наблюдалось усиление внимания общества к проходившим дебатам. С другой – с 1770-х годов расширилась возможность столичной и региональной прессы освещения полемики депутатского корпуса, о чем говорилось выше. Учитывая рост числа изданий по всей стране в это время (в каждом крупном городе издавалась, по крайней мере, одна газета), можно утверждать, что парламентские прения были достаточно широко представлены читателям не только столицы, но и регионам. Утверждается практика издания произнесенных речей самими авторами. Бывали случаи, когда после смерти депутата друзья печатали подборку его речей.

Прежде всего парламентская дискуссия второй половины XVIII в. отразила хорошее для того времени знание исторических фактов депутатским корпусом. В данном случае надо учитывать сам образ жизни титулованного дворянства и джентри. Человек рождался в поместье и доме, которые передавались по наследству, там хранились

семейный архив и библиотека, нередко собиравшиеся столетиями. Таким образом, с ранних лет ребенок окунался в прошлое своей семьи и страны, знакомясь, в том числе, с семейными преданиями и легендами края. Обязательная для образованного человека латынь изучалась по произведениям римских авторов. Немаловажное значение имело самообразование в жизни школьника и студента. Поэтому не удивительно, что в обеих палатах в основном звучали ссылки на историю Англии. Вместе с тем упоминались события из истории Античности, Рима и Греции, Испании, России, Швеции и других европейских стран. Гораздо реже – Турции и стран Востока.

В силу роли традиций в жизни общества и наличия прецедентного права обращение к прошлому играло важную роль в повседневной жизни обеих палат парламента. Но эти обращения носили различный характер и выполняли различные задачи.

При обсуждении законопроектов частым было упоминание подобного рода актов, принятых за прошедшие столетия. Акты царствовавших ранее королей, их имена и годы правления традиционно упоминались при рассмотрении того или иного вопроса¹⁵. При этом ораторы нередко проявляли не просто хорошее знание, а глубокое погружение в предысторию обсуждавшегося билля. Так, анализ законодательства в армейской области прозвучал в выступлениях одного из талантливейших лидеров оппозиции П. Эгмонта¹⁶.

В целом, такие обращения можно охарактеризовать, скорее, как рутинное перечисление правителей и законов, обусловленное прецедентным правом. Оно наиболее характерно для пятидесятих годов, когда прохождение практически каждого законопроекта сопровождалось такими упоминаниями. Лишь изредка оратор выходил за эти рамки, и тогда мог прозвучать довольно

¹⁵ См., например, обсуждение вопроса о ночной страже г. Бристоль. См., РН. V. 15. P. 469-479.

¹⁶ Ibid. P.365-375, 249-262, etc.

подробный анализ развития законодательства на протяжении десятилетий, либо столетий. Надо отметить, что экскурсы в прошлое порой предоставляют современному исследователю важные сведения, подробности политической и законотворческой деятельности. Таким информативным, например, было упоминавшееся выше выступление лидера оппозиции по законопроекту об армии, когда оратор детально рассмотрел историю подобных актов от введения наказаний за дезертирство до принятия жестких мер в отношении бунта солдат. С другой стороны, они позволяют выявить особенности мышления политика, опиравшегося на прецедент в своей законотворческой деятельности. Пик рутинной апелляции к прошлому в рассматриваемый период пришелся на пятидесятые годы, с десятилетиями произошло её постепенное сокращение. А в девяностые годы ссылки на прецедент носили уже скорее исключительный характер. При этом обращение к законодательству прошлых лет носило иной характер. Так, для Ч.Д. Фокса подобная ссылка была продиктована борьбой с главой кабинета. Представляя себя защитником конституции, в действительности Фокс стремился сместить У. Питта Младшего с поста¹⁷. Причина резкого сокращения этих рутинных упоминаний заключается, прежде всего, в тех изменениях, которые происходили в жизни общества и были обусловлены внутренними и внешними причинами. В парламенте появились билли, которые не имели прецедента. К ним можно отнести широкий круг вопросов, связанных с взбунтовавшимися американскими колониями, или акты по Ост-Индской компании, которые являлись по сути вмешательством в дела и структуру торговой монопольной компании. В силу этих обстоятельств можно также говорить и о сокращении значения прецедента в законотворческой деятельности депутатского корпуса.

¹⁷ The Parliamentary register; or, history of the proceedings and debates of the House of Commons L., 1797, v.1. P. 100-103.

Однако парламентская полемика не ограничена обращением к прошлому подобного рода. Нередко звучали упоминания, носившие иной характер.

Примером может служить длительная дискуссия, вызванная обстоятельствами прошедших выборов, отмеченных различными злоупотреблениями. Внимание парламента с ноября 1754 г. было сконцентрировано на выборах в графстве Оксфорд в связи с поступившими жалобами на их проведение, и их завершение утверждением четырех «рыцарей» от графства, вместо положенных двух представителей. В избирательной кампании приняли участие по два представителя «нового» (т.е. виги) и «старого интереса» (т.е. тори). Она отличалась небывалым накалом, который свидетельствовал о политическом размежевании жителей графства. К тому же обоим соперникам кампании обошлись очень дорого¹⁸, что говорило о размахе подкупа избирателей, а также использовании коррупционных приемов. Рассмотрение претензий проигравшей стороны, в том числе на голосование копигольдеров, затянулось. Необходимость в надлежащий срок объявить результаты, а главным образом боязнь утвердить избрание оппозиционных кандидатов и послужили причинами вынесения шерифом столь странного окончательного решения вопреки установленным порядкам. В результате никто из четверых не мог заседать в палате, а графство оказалось лишенным своих представителей в ней.

Сразу в первой речи по этому поводу прозвучало оправдание шерифа, вынужденного поступить, по утверждению оратора, исходя из интересов собственной безопасности. Чарльз Мордаунт сослался на прецеденты схожего характера. Случаи «двойного» избрания происходили в январе 1689 г. в Данвиче, в 1695 г. в Портсмуте, в 1678 г. – Нортгемптоне, в 1741 г. – Денби и других

¹⁸ Современники полагали, что была истрачена «невероятная» сумма – более 5,5 тысяч фунтов. См., The Grenville papers. 1858. V.1, 132, note.

округах. Мордаунт полагал, что случай с Оксфордширом является примером «фальшивого», незаконного решения шерифа¹⁹. Центральные положения, высказанные Мордаунтом, стали основными тезисами дальнейшего обсуждения: оправдание или обвинение шерифа, апелляция к прошлому, определение источника опасности для конституции, либо утверждение полного её отсутствия.

Противоположную позицию занял, выступивший следом, Роберт Нагент. Политик и поэт, с апреля 1754 г. занимал пост лорда казначейства. Защита политики кабинета прозвучала в его речи. Лорд Нагент заявил, что действия шерифа были оправданы экстраординарными обстоятельствами, и он был вынужден предоставить на суд палаты определение двух кандидатов. Нагент уверенно утверждал, что свободы и привилегии парламента сильны как никогда, и высказался против необоснованного беспокойства. Так как именно необоснованная тревога более столетия тому назад (т.е. в годы Английской революции – *М.А.*) привела к наихудшим последствиям, изменив устройство церкви и государства²⁰.

Таким образом, в дебатах четко обозначились две позиции. Проправительственная состояла скорее в обещании действий шерифа, желании снизить накал обсуждения. Оппозиция была настроена более жестко в стремлении осуществить разбирательство хода выборов и обсудить претензии сторон с приглашением шерифа²¹. В итоге, палата проголосовала за рассмотрение этого дела без приглашения шерифа. Слушание по существу началось лишь 3 декабря 1754 г.

¹⁹ РН. V. 15. P. 395-398.

²⁰ Ibid. P. 401-404.

²¹ Следует отметить, что некоторые лидеры оппозиционных вигов накануне начала прений по вопросу о выборах в графстве предпринимали попытки заранее договориться с представителями власти, угрожая в противном случае занять неприемлемую позицию. См., Mr. Fox to Mr. Grenville. November 16 // The Grenville Papers. V. 1. P. 132-133.

По традиции обсудили выступления адвокатов обеих сторон. И только в апреле началась дискуссия, спровоцированная участием в выборах копигольдеров. Обычно они не имели права голоса, которым обладали фригольдеры, ежегодный доход которых соответствовал имущественному цензу – 40 шиллингов. Этот блок дебатов представляет несомненный интерес для выявления широкого спектра представлений членов парламента о системе представительства и об истории, как собственной страны, так и других народов.

Фрэнсис Дэшвуд вопрос о копигольдерах посчитал «вопросом чрезвычайной важности» в связи с тем, что в графствах есть копигольдеры, которые имеют доход в 40 шиллингов и выше. И если специально не оговорить в законе, то шерифы смогут воспользоваться их голосами. Шерифов назначает премьер-министр, поэтому исключается возможность избрания независимых от правительства кандидатов, а это ведет к усилению власти двора. История Рима, говорил он далее, показывает, что правление с «тенью» парламента или сената, может быть более деспотичным и более тягостным для народа, чем абсолютная монархия. Достаточно сравнить правление любого из цезарей или других императоров Рима с тиранией турецкого султана с тем, чтобы не допустить подобного в Британии. Конституция в опасности, поэтому в руках шерифов не должно быть права допускать, или не допускать копигольдеров к выборам²².

Представители оппозиции категорически высказались против наделения копигольдеров правом голоса. Фригольдеры всегда имели это право, как владельцы земли, как народ, представитель общин (people). Вместе с тем, они полагали, что вопрос о копигольдерах чрезвычайно важен и должен быть рассмотрен и уточнен²³.

Горацио Уолпол – виг, один из наиболее просвещенных людей своего времени – отверг предположения

²² РН. V. 15. P. 431-437.

²³ Ibid. P. 437-441.

ораторов об опасности для конституции. Копигольдеры, утверждал он, никогда не голосовали и не должны были голосовать. Как держатели земли по воле их лорда, они являют собой не часть народа, так как являются низшим слоем древних жителей, которым саксы после завоевания Англии позволили жить среди них и служить им. По этой-то причине они называются местными жителями, либо туземным населением (natives). От саксов они получили небольшие наделы земли с тем, чтобы могли обеспечить себя и свои семьи²⁴.

Уолпол обратился к глубокой старине. Тогда, по его словам, мятежные бароны вырвали у Генриха III указ о выборах двух рыцарей от каждого графства, двух – от жителей каждого города и двух – от каждого местечка. И фригольдеры получили право голоса. После победы над баронами указ был отменен, но восстановлен при Эдуарде I. Со времен Елизаветы шерифы порой допускали копигольдеров к выборам, что рассматривалось арендаторами в качестве тяжкой повинности²⁵.

На протяжении веков копигольдеры были зависимы, но теперь уже много лет, как они стали свободными в связи с тем, что их держание превратилось в ренту по традиции манора, а кое-где и по закону. Свободу копигольдеров он связывал также и с тем, что в период правления Вильгельма и Марии они были включены в состав присяжных. Таким образом, копигольдер свободен, как и фригольдер. А при условии получения им дохода в 300 фунтов стерлингов в год он уже именуется джентльменом и может заседать в палате, как представитель своего города, местечка или порта; а при наличии дохода в 600 фунтов – в качестве представителя от графства. В этом Уолпол видел большое преимущество для конституции

²⁴ О традициях манора, статусе фригольдеров и копигольдером см.: *Винокурова М.В.* 2002.

²⁵ Тяжесть такой повинности объяснялась тем, что избиратели должны были оплатить расходы по поездке своего представителя в парламенте.

и свободы. Сравнивая государство с пирамидой, он говорил, что его устойчивость зависит от крепкого и обширного базиса. Эту устойчивость создает конституция, которая дает право каждому свободному человеку принимать участие в законодательном органе лично или через представителя. На данный момент большинство копигольдеров лишено этого права, но изменение прибавит силы конституции. Более того, их надо также наделить и правом полноценного участия в делах советов графств. Тем самым, оратор высказался за расширение электората и политических прав значительной части населения страны.

Уолпол подчеркивал, что в некоторых графствах Англии и многих графствах Уэльса некоторые категории копигольдеров участвуют в выборах рыцарей. Принять решение о лишении этих копигольдеров избирательных прав невозможно без предварительного ознакомления с их мнением, иначе будет нарушена конституция²⁶.

Более обстоятельно рассмотрел строй германцев, основываясь на произведениях Тацита, Цезаря и древней истории Британии, Ричард Бекфорд с тем, чтобы определить, кто имел право выбирать. Мы можем предположить, говорил он далее, что саксонская армия состояла из некоего числа племен, и возглавлялась принцем. Завоеванные земли поделены между вождями племен в соответствии с их численностью. Так образовались графства. Свою долю вожди разделили на части – маноры, а солдатам выделялась часть земли – владение. В этом Бекфорд видел источник различных размеров графств, маноров и владений. Таким путем саксонские солдаты – свободные мужчины получили право выбирать магистраты и гражданских чиновников. И лишь позднее им было дано право избирать представителей в парламент. Длительные рассуждения исторического характера стали основой для следующего утверждения:

²⁶ РН. V.15. P. 441-450.

сегодня нет рабов, все жители королевства свободны, но это не означает, что они имеют право выбирать рыцарей в графствах. Используя метафору Уолпола, Бекфорд говорил о пирамиде. Пирамида наших свобод, подчеркивал оратор, устойчивее при широкой основе, но, если последняя будет гнилой, то скоро рухнет и сама пирамида. И так слишком много негодного в ее основе. А падение может разрушить парламент, сделать нас слугами короны, или другой палаты. Бекфорд был решительным противником расширения электората. Он утверждал, что бедняки не придают никакого значения благам свободы, следовательно, они будут продавать ее, восторгаясь титулами и экипажами состоятельных людей. Тогда могут быть избраны недостойные люди, которые будут продаваться за пенсии и другие блага, усилится влияние шерифов. В совокупности все это приведет к изменению баланса сил во властных институтах. Конституция будет в опасности, если не запретить участие копигольдеров в выборах. Нельзя доверять свободу тем, кто не заинтересован в ее сохранении²⁷.

Иную позицию в этом вопросе сформулировал Генри Фокс, один из известных политиков своего времени, прежде неоднократно занимавший государственные посты. В союзе с У. Питтом Старшим он находился в оппозиции кабинету. Судя по тону выступления, период обсуждения выборов в Оксфордшире стал для него началом разрыва с Питом. В ноябре 1755 г. Фокс занял пост государственного секретаря. А зимой 1755 г. он опроверг все доводы выступивших перед ним ораторов. Фокс полагал, что нет необходимости обращаться к отдаленным античным временам, рассуждать о происхождении копигольдеров, допуске их к голосованию и последствий этого для конституции. Современное положение копигольдеров в корне изменилось по сравнению с их первоначальным статусом времен саксонского завоевания. Тем более, продолжал оратор, проблему нельзя

²⁷ Ibid. P. 450-458.

разрешить на протяжении одной сессии, так как требуется слишком большая предварительная работа по подсчету всех маноров в графствах, выявлению числа и обстоятельств держания всех копигольдеров, традиций каждого манора и т.д. На сегодняшний день нет человека, который бы мог дать такую информацию. Фокс согласился с Уолполом в том, что невозможно лишить права голоса тех копигольдеров, которые с незапамятных времен участвуют в выборах рыцарей в графствах, без предварительного слушания их аргументов в пользу законности этих прав. Несомненным является тот факт, что многие копигольдеры владеют большими участками земли, уплачивают налоги, в случае опасности готовы защищать страну. Почему надо отстранять их от выборов, если по традиции у них есть такое право? Но и такое решение – допускать или не допускать к выборам – невозможно осуществить путем простого голосования, так как палата общин не является единственным законодателем в королевстве. За исключением 1641 года палата не предпринимала попыток изменения системы представительства, и мы все знаем, продолжал он, «какие ужасающие последствия имела та попытка».

Между тем, утверждал Фокс, нет никакой необходимости рассматривать права всех копигольдеров, перед палатой стоит лишь конкретный вопрос о выборах в графстве Оксфорд, определении тех двух джентльменов, которые одержали победу, получив законное большинство голосов²⁸.

Едва ли есть необходимость и далее приводить высказывания ораторов, так как их доводы лишь повторяли приведенные аргументы. После длительного обсуждения палата проголосовала против участия копигольдеров в выборах в графстве Оксфорд²⁹. Так был урегулирован конфликт, который занимал внимание палаты общин и графства на протяжении нескольких месяцев.

²⁸ Ibid. P. 458-463.

²⁹ Копигольдеры допущены к выборам в графствах первой парламентской реформой 1832 г.

Речи ораторов являются уникальным источником для анализа мировоззрения политической элиты середины столетия, когда значение тори было незначительным, а борьба за власть протекала между группировками вигов. Аргументация членов палаты общин, нападки на правительство, на систему представительства, отражают не только политические взгляды, но и представление об истории. Дискуссия о копигольдерах выявила представление о них как о «туземном населении», сохранившемся со времен саксонского завоевания, что можно рассматривать как отрицание историзма, развития. Немаловажное значение имеет отношение к революции середины XVII столетия и к Карлу I. Ни имя самого короля, ни его законы не упоминаются членами палаты. Видимо, одна из причин умолчания кроется в беспарламентском правлении Карла I. А прозрачные намеки на бурные события того времени послужили скорее доводом утрашения, нежели аргументом политической полемики.

Однако ситуация изменилась в начале семидесятих годов. Всё чаще называлось имя Карла I, нередко именовавшегося «несчастливым королем»³⁰. Поистине, поразительным стало также то, что наиболее часто упоминаемым событием прошлого стала Английская революция середины XVII в. Обращение к ней происходило в контексте упоминаний ошибок власти. Уже в январе 1770 г. Э. Берк довольно резко реагировал на заверения властей, что в обществе отсутствует недовольство по поводу Миддлсекских выборов. Берк утверждал: «Министры несчастного Карла I рассказывали те же сказки, что мы слышим сейчас, сегодня прибегают к тому же искусству обмана». Эта фатальная ложь сопутствовала Карлу вплоть до его смертного часа³¹. Лорд Кэмден упоминал корабельные сборы (которые вызвали негодование в народе). Он восклицал: тогда также говорили,

³⁰ РН, v. 16. P. 721.

³¹ РН, v. 16. P. 721.

что власть действует законно, но парламент отменил их позднее как незаконный сбор³².

Полковник Барэ при рассмотрении дела газетчиков тоже упомянул «насилие» Карла I, когда он вошел в палату, с тем чтобы арестовать 5 её членов. Этот поступок не имел прецедента. Одним ударом можно, подобно Калигуле, разрушить конституцию и отправить в свою Бастилию тех, кто защищает свободу страны. Но насилием и террором нельзя погасить древний огонь свободы острова, заключил оратор³³.

Обращение к событиям Английской буржуазной революции напрямую было связано с непродуманными шагами правительства в отношении американских колоний. По мере нарастания противостояния метрополии и колоний усиливалось политическое размежевание, сказавшееся в оценке политики метрополии. Так, Т.Тауншенд утверждал, что те, кто поднял оружие против короля, действовали безупречно, более того, они заслуживают похвалы³⁴. Р.Ньюдигейт в ответ заявлял, что сам он не является защитником каждого акта Карла. Но ни один историк, каковы бы ни были его дарования, не будет защищать тех, кто выступил против Карла I³⁵. В этой связи любопытна небольшая дискуссия, отразившая реакцию на информацию о службе 30 января в память о Карле I. Фольстоун признавал, что революция разрушала традиции, но при этом она восстанавливала права англичан³⁶. Более решительно высказался Д. Уилкс. По его мнению, день казни короля надо праздновать как день триумфа. Смерть **первого** Карла (таким образом, он нарушил формулу произнесения имени короля) – это смерть врага свобод страны, который начал войну со своим народом и был повинен в смерти тысяч

³² РН, v. 16. P. 963.

³³ РН, v. 17. P. 152.

³⁴ РН, v. 17. P. 315.

³⁵ РН, v. 17. P. 316.

³⁶ РН, v. 18. P. 183.

ни в чем неповинных подданных. Тиранизм был повержен. И революция должна оставаться в памяти как самое славное деяние, которое когда-либо происходило в нашей, или другой стране. Без революции мы бы не имели конституции и превратились бы в рабов; не имели бы законов ограниченной монархии, а были бы подданными, и находились в полной воле суверена³⁷. По сути, Д. Уилкс высказал радикальный взгляд на историю середины XVII столетия.

По мере развития событий и дальнейшего обострения ситуации с американскими колонистами усилился мотив сравнения событий кануна Английской, либо Славной революций, настроений колонистов и подданных Карла I. В нижней палате Джонстон утверждал: теперь ясно, что народ Америки преисполнен тем же настроением и решительным духом, и побуждаем тем же энтузиазмом, с которым наши предки восстали против требований короны в дни правления Карла I и встали на защиту высоких доктрин парламентского превосходства. В противном случае американцев ждет сокращение их свобод до уровня свобод жителей владений Франции или Испании³⁸.

Таким образом, возрастало число упоминаний Английской революции, прежде всего, это проявилось во вновь и вновь повторявшихся сравнениях обложения налогом на чай колонистов с корабельными сборами, которые ввел Карл I³⁹. Между тем, симпатии в высказываниях парламентариев были скорее исключением, нежели правилом. Таким исключением стали слова лорда Чатама о конгрессе. Он отозвался о нем, как о более широком и более благоразумном собрании, чем существовали во времени Древней Греции. Во всей древней

³⁷ РН, v. 18. P. 183-184.

³⁸ РН, v. 18. P. 60.

³⁹ РН, v. 17. P.1203, 1211

истории, сказал он, мы не встретим более благородных собраний, чем конгрессы американцев⁴⁰.

Либеральное крыло обеих палат призывало кабинет, а через него и монарха, к благоразумию. Так, Д.Уилкс утверждал, если политика Лондона не будет взвешенной, то впоследствии американцы станут праздновать 1775 год, как мы празднуем 1688 г. Усилия дедов в борьбе за свободу увенчались успехом. И период нашей истории, который наполняет нас гордостью, был восстанием против беззаконной власти, и основан на законах божьих и людских: праве сопротивления тирану⁴¹.

Аргументы, как сторонников правительства, так и оппозиции, пытавшейся предотвратить «силовой вариант» решения вопроса, не ограничивались только аналогиями с революциями XVII в. Вопросы, так или иначе связанные с положением дел в колониях, неизбежно вызывали апелляцию к прошлому, причем форма таких обращений была различной. Ораторы прибегали не только к фактам, но и к легендам и мифам, когда возникал образ отца и сына, и отец поступал несправедливо⁴².

Тенденции, обозначившиеся в 1750-1770-х годах, получили дальнейшее развитие с рубежа 1780-1790-х годов. Прежде всего необходимо отметить усиление обращения к опыту прошедших лет. При этом разброс поводов, побуждавших членов обеих палат апеллировать к нему, был довольно разнообразен: от положения дел в стране до конфликта России и Турции⁴³. Все чаще звучали ссылки на конституцию. Это было упоминание не столько актов, сколько гражданских свобод: безопасности личности и собственности, свобода прессы, право иметь оружие, представительство и суд присяжных – которые были обеспечены «мудростью наших пред-

⁴⁰ РН, v. 18. P. 1570.

⁴¹ РН, v. 18. P. 238-239. См. также: P. 254.

⁴² РН, v.18. P. 191, 306, 309, 341,343, 348, 349, 894-895.

⁴³ Ibid., v.29. P. 63,65, 71, 76, 85, 91-93, 101, 103, 121 etc.

ков»⁴⁴. Можно предполагать, что своего рода сакрализация конституции, по которой жил парламент с древнейших времен, являлась показателем и проявлением сокращения власти монарха и двора и превращения парламента в центр политической жизни.

Упоминания о конституции активизировало обсуждение дел во Франции. В обществе радикалы и виги (на начальном этапе) с восторгом встретили известия об ограничении власти короля и начале разработки конституции. В палате общин горячими сторонниками французской революции выступали Ч.Д. Фокс и Шеридан. Иную позицию занял Берк, он категорически высказался против сравнения событий во Франции с событиями Славной революции. Во Франции, утверждал он, разрушено всё: монархия, церковь, дворянство, законы, армия, торговля и т.д. Люди не знают умеренности, царят анархия и насилие. Тогда как нужно было только подправить порядок в государстве и придать ему законность. В Англии была иная ситуация. Настоящие патриоты выступили против деспотизма Якова II. Цвет английской аристократии обратился к принцу Оранскому, принцу королевской крови. Они призвали его защитить древнюю конституцию, что тот и сделал. Ничто не было разрушено в стране – ни церковь, ни армия, ни торговля⁴⁵. Иная интерпретация Французской революции, основанная на ином видении событий Славной революции, привела к окончательному разрыву с группировкой Ч. Фокса, а в дальнейшем – к появлению на свет известного сочинения Берка «Размышления о революции во Франции» и зарождению консервативной мысли в Британии.

Подводя итоги, необходимо подчеркнуть, что прошлое занимало значимое место в парламентской полемике. Его актуализация была обусловлена рядом факторов, отражавших конкретную ситуацию в стране и мире.

⁴⁴ РН v.29. P.580, 1043-44,1188-1192, etc.

⁴⁵ РН, v. 28. P. 354-372.

Помимо рутинного обращения к прецедентам, законам королей, принятым ранее, можно говорить о своего рода ораторском приеме, когда факты и события прошлого становились весомым доводом в выстраивании аргументации оратором. Этот прием был наиболее распространен в парламентских дискуссиях. Примером могут служить обсуждение выборов в графстве Оксфорд в пятидесятые годы, дебаты по войне России с Турцией в начале девятых годов и многочисленные другие случаи.

Между тем, обозначился и другой характер актуализации прошлого в политической полемике.

Это, если можно так выразиться, дидактический, воспитательный характер упоминания фактов и событий истории Англии, которые были призваны показать ошибочность решения властей, неизбежно влекущих печальные последствия. Такое обращение к кануну революции середины XVII столетия использовала оппозиция в период зарождавшегося конфликта с американскими колонистами.

И, наконец, интерпретация событий истории в контексте анализа современных событий. Так было при обсуждении обстановки во Франции, когда начальный этап революции ораторы приветствовали, сравнивая её с событиями Славной революции.

Таким образом, можно утверждать, что актуализация прошлого чаще всего напрямую связана с различными факторами кризисного характера, а именно: обострением внутривнутриполитической ситуацией (выборы в графстве Оксфорд), усилением напряжения в колониальных владениях, международной обстановкой. При этом актуализация служила осуществлению различных задач: иллюстрацией высказанному мнению, бесспорным аргументом при обосновании собственной позиции, либо предостережением властей от совершения опрометчивого шага.

В «Парламентской истории» и журнальных публикациях не зафиксировано дискуссий вокруг интерпретации исторических событий. Конфликт между Берком и Фоксом стал ярким событием, связанным с размеже-

ванием по политическим взглядам, в основе которых лежало иное видение прошлого и настоящего.

Литература

1858. Grenville papers. L., V.1.
1775, 1777. The London magazine and Gentleman's monthly Intelligencer. L.
1813. The Parliamentary history of England. L, V. 15-30.
1797. The Parliamentary register; or, history of the proceedings and debates of the House of Commons L., V. 1.
Айзенштат М.П. 2009. Власть и общество Британии 1750-1850 гг. М.
Барг М.А., Авдеева К.Д. 1998. От Макиавелли до Юма: становление историзма. М.
Винокурова М.В. 2002. В мире английского манора. М.
Ингер А.Г. 1973. Голдсмит-эссеист и английская журналистика XVIII в. // Голдсмит О. Гражданин мира или письма китайца. М.
Кованов К.В. 2013. Бернард Мандевилль и общественная мысль Англии первой трети XVIII века. М.
Креленко Н.С. 2009. Новое и новейшее время стран Запада: проблемы историографии и судьбы историков. Саратов.
Креленко Н.С. 2012. Образ Английской революции в общественной памяти Великобритании 17 – 18 веков. Саратов.
Лабутина Т.Л. 2005. Культура и власть в эпоху Просвещения. М.
Чудинов А.В. 1996. Размышления англичан о Французской революции. М.